

DOI: 10.31862/0130-3414-2024-5-11-22

УДК 82.161.1

Т.А. ПономареваМосковский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Концепт *Родина* в русской поэзии 1917–1920-х годов

Аннотация. Цель исследования – проследить функционирование концепта *Родина* в поэзии первого послереволюционного десятилетия. Объектом анализа является пролеткультовская поэзия, творчество художников серебряного века и новокрестьянских поэтов, молодых советских поэтов 1920-х гг. В работе используются методы имманентного анализа, сравнительно-сопоставительный и типологический. Автор анализирует смысловое содержание концепта *Родина*, которое раскрывается через контраст прошлого и настоящего, «старушонки Руси» и «другой», молодой России. Подчеркивается, что Родина в соответствии с национальной архетипической традицией соотносится с женским началом, образом Матери. Отмечается, что тема Родины в творчестве поэтов серебряного века имеет трагическое звучание. Поэма А.А. Блока «Двенадцать» рассматривается через мотив русского пути к невидимой и предначертанной дали. Поэзия М.А. Волошина анализируется через образы оскверненной Руси-невесты, ключевые мотивы гибели России, вины интеллигенции и народа. При анализе лирики М.И. Цветаевой подчеркивается, что романтизация Белого воинства сменяется ощущением трагизма русского раскола, мотивами тоски по Родине, образами русской природы. Отмечается, что образ Родины в поэзии А.А. Ахматовой создается в соответствии с архетипическим представлением об образе родной земли. В статье показано, что новокрестьянские поэты, приветствовавшие революцию как победу «избяной Руси», уже в начале 1920-х гг. приходят к разочарованию в новом лице Родины. Отмечено, что в последние годы жизни в творчестве С.А. Есенина Родина предстает в облике Руси уходящей, Руси бесприютной, что тот же путь прошел и Н.А. Клюев. Показано, что в новой советской поэзии 1920-х гг. тема Родины раскрывается через мотив молодости – молодой страны, молодого героя-строителя нового мира.

Ключевые слова: концепт *Родина*, русская поэзия, А.А. Блок, М.А. Волошин, М.И. Цветаева, А.А. Ахматова, новокрестьянская поэзия, С.А. Есенин, Н.А. Клюев, поэзия Пролеткульта, тема России в русской поэзии

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Пономарева Т.А. Концепт *Родина* в русской поэзии 1917–1920-х годов // Литература в школе. 2024. № 5. С. 11–22. DOI: 10.31862/0130-3414-2024-5-11-22

DOI: 10.31862/0130-3414-2024-5-11-22

T.A. Ponomareva

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

The concept of *Motherland* in Russian poetry of the 1917–1920-s

Abstract. The aim of the study is to trace the functioning of the concept of the *Motherland* in the poetry of the first post-revolutionary decade. The object of the analysis is the Proletkult poetry, the work of artists of the Silver Age and new peasant poets, young Soviet poets of the 1920s. The work uses the methods of immanent analysis, comparative and typological. The author of the article analyzes the semantic essence of the concept of the *Motherland*, which is revealed through the contrast of the past and the present, the “ugly old Russia” and the “other”, young Russia. It is emphasized that the Motherland, in accordance with the national archetypal tradition, is associated with the feminine principle, the image of the Mother. It is noted that the theme of the Motherland in the work of poets of the Silver Age has a tragic sound. The poem by A.A. Blok “The Twelve” is considered through the motif of the Russian path to the invisible and predestined distance. M.A. Voloshin’s poetry is analyzed through the images of the desecrated bride-Rus, the key motifs of Russia’s demise, the guilt of the intelligentsia and the people. When analyzing the lyrics of M.I. Tsvetaeva, it is emphasized that the romanticization of the White Army is replaced by a sense of the tragedy of the Russian schism, motifs of longing for the Motherland, and images of Russian nature. It is noted that the image of the Motherland in A.A. Akhmatova’s poetry is created in accordance with the archetypal idea of the image of the native land. The article shows that the new peasant poets, who welcomed the revolution as a victory of “izba Rus”, already in the early 1920s come to disappointment in the new face of the Motherland. It is noted that in the last years of his life, in the work of S.A. Yesenin, the Motherland appears in the guise of Rus passing away, Rus the homeless, and that N.A. Klyuev also took the same path. It is shown that in the new Soviet poetry of the 1920s the theme of the Motherland is revealed through the motif of youth – a young country, a young hero-builder of a new world.

Key words: the concept of the *Motherland*, Russian poetry, A.A. Blok, M.A. Voloshin, M.I. Tsvetaeva, A.A. Akhmatova, new peasant poetry, S.A. Yesenin, N.A. Klyuev, poetry of Proletkult, the theme of Russia in Russian poetry

CITATION: Ponomareva T.A. The concept of *Motherland* in Russian poetry of the 1917–1920-s. *Literature at School*. 2024. No. 5. Pp. 11–22. (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2024-5-11-22

Изучение понятия «концепт» в культурологическом аспекте в отечественной науке началось с работ С.А. Аскольдова, который в первой трети XX в. разграничил познавательные и художественные концепты [2, с. 267–279], а затем было продолжено Ю.С. Степановым [22, с. 824]. Пути анализа литературного произведения через концепты стали рассматриваться лишь в конце XX в. в работах В.Г. Зусмана [14, с. 168; 15, с. 39], И.Л. Новокрещеновой [18, с. 77–82]. Концептуальный подход к анализу художественных текстов представлен в исследованиях Н.В. Володиной [7; 8], на которые ссылаются все современные исследователи.

Н.В. Володина определяет литературный концепт как «смысловую структуру, воплощенную в устойчивых образах, повторяющихся в границах определенного литературного ряда (в произведении, творчестве писателя, литературном направлении, периоде, национальной литературе), обладающую культурно значимым содержанием, семиотичностью и ментальной природой» [8, с. 19]. Как отмечает исследователь, «концепт в литературе всегда реализован в образах. <...> При этом не всякий образ участвует в образовании концепта. Такой образ должен иметь инвариантный смысл и нести отсвет ментальности народа... <...> манифестировать знаковые явления в культуре» [Там же, с. 16]. Образы-концепты определяют внутреннее движение текста, формируют систему мотивов.

Одним из ключевых концептов в любой национальной картине мира является концепт *Родина*, в котором отражается национальное сознание и особенности национального характера. Сущность концепта *Родина*, его архетипическое содержание раскрывается в работах А. Вежбицкой [5, с. 288; 6, с. 788], С.Г. Воркачевы [11, с. 584], Г.Д. Гачева [12, с. 480], Ю.С. Степанова [22, с. 824].

Концепт *Родина* в русской литературной картине мира, начиная со «Слова о полку Игореве», неразрывно связан с архетипом русской земли («матери-сырой земли»), мотивами святости, сакральности, жертвенности во имя Отчизны. Он представлен образами-синонимами Руси, России, Отечества, Отчизны, русской державы. В национальном сознании Русь ассоциируется с женским началом, что нашло отражение в фольклоре и в литературе: «матушка Русь», «мать Россия». О соотношении женственного и мужественного начала в русском народном характере, «о вечно бабьем» в русской душе размышлял и Н.А. Бердяев в «Судьбе России».

Литература советского периода, при всей ее идеологической окраске, явилась продолжателем традиций русской классической литературы. Особенно наглядно это проявляется в образе Родины и теме русского патриотизма.

Концепт *Родина* в советской литературе первых лет революции и 1920-х гг. воплощается в образе России/Руси через систему контрастов прошлого

и настоящего. При этом, за исключением поэтов серебряного века и новокрестьян, само слово *родина* на некоторое время исчезает из литературного лексикона новой советской поэзии.

Единственным исключением в пролетарской поэзии является стихотворение А.П. Крайского «Свободной Родине»:

Но Родину мою, как тело Прометея,
Враги и хищники на части злобно рвут...
Ее, свободную, от ярости пьянея,
Они клеймят, насилуют и жгут.

И кровью Родина безмолвно истекает, –
Судьбою скованный безумец Прометей...
Но сердце красное в груди ее пылает.
Все ярче, все сильней.

[19, с. 401]

Крайский был участником Первой мировой войны, поэтому, возможно, именно национальным чувством обусловлено появление «врагов и хищников», в образе которых соединяется социальное и национальное – старый мир и внешний враг.

Новая Россия в пролетарской поэзии первых лет революции – это Советская Отчизна, «земля молодости», молодая страна. Типичным является прием противопоставления старой, дряхлой Руси и молодой новой России. Характерно в этом отношении творчество В.Д. Александровского, участника Суриковского кружка писателей из народной среды, члена Пролеткульта. Наряду с ключевым мотивом железа и образом «железного» пролетария («Кузнец», «Рабочий»), взрывающего старый мир, значимым в его поэзии является мотив памяти о прошлой Руси и образ Матери, проецируемый на образ Родины, что традиционно для русского национального сознания:

Мать!
Святая,
Великая,
Вечная...

[Там же, с. 110]

Образ Матери раскрывается у В.Д. Александровского в трагическом аспекте через контраст любви и гнева, грусти, боли и тоски от воспоминаний о прошлой России.

В его стихотворении «Две России» (1920) развиваются мотивы А.А. Блока: ветра, метели, вьюги, сна, русского простора (поля), набата, пламени костра, буйства и тоски. Россия прошлого предстает и через блоковские аллюзии (фонарь, кабак, тоска, боль). Образ-олицетворение «Руси бледнолицей» сменяется контрастным образом «старушонки Руси»:

Связан я узловыми дорогами,
На которых повесилась Русь,
На которых трактиры с острогами
Хоронили народную грусть.

[Там же, с. 91]

Другая Русь воскресает в огне, рождается в страдании, проходит через пытки, рождает нового человека и новый мир, «где на огненном троне / Восседает раскованный Труд»:

Мы другую Россию видим –
Без метелей, тоски, кабаков;
В каждом юноше новый Овидий,
В каждом старце – мудрость богов.

[Там же]

Те же мотивы развиваются и в его стихотворении «Старая Русь».

В стихотворении «Русь» Я.П. Бердника, ныне забытого пролеткультовского поэта, традиционно рисуется социальный контраст прошлого

и настоящего, но исчезает привычное для поэзии тех лет противопоставление Руси и новой страны: «зажгла немеркнувший маяк» все та же «Русь моя родная» [19, с. 142].

В поэзии М.П. Герасимова, одного из самых известных поэтов Пролеткульта, противопоставление прошлого и настоящего, «дремотной Руси» и «России Петра и Ленина» раскрывается как конфликт природы и цивилизации (поэма «Электрификация», 1920), характерный и для новокрестыанской поэзии, а также как этический контраст России, «душителя свободы», «поруганной святой Руси» и обновленной страны, на которую «со светлой верою взирает» угнетенный мир [Там же, с. 229–230].

Сложнее и трагичнее раскрывается тема Родины в творчестве поэтов, связанных с эпохой серебряного века. Если для молодых московских футуристов вопроса: «Принять или не принимать?», – не было, как утверждал В.В. Маяковский [17, т. 1, с. 25], то отношение к революции поэтов с иным художественным опытом, было далеко не однозначным, хотя некоторые из известных символистов положительно восприняли Октябрь 1917 г. и сотрудничали с советской властью на «культурном фронте».

Главным литературным событием первых лет революции и объектом ожесточенных споров и противоречивых оценок стала поэма А.А. Блока «Двенадцать». Она отличается от пафоса стихов А. Белого: «Россия, Россия, Россия – / Мессия грядущего дня!» («Родине», 1917) [4] и торжествующей интонации В.Я. Брюсова: у него это Россия, когда-то спасшая Европу «от Чингис-хановой пяты»:

И вновь, в час мировой расплаты,
Дыша сквозь пушечные дула,
Огня твоя хлебнула грудь, –
Всех впереди, страна-вожатый,
Над мраком факел ты взметнула,
Народам озаряя путь¹.

В поэме «Двенадцать» А.А. Блока раскрывается тема русского пути к невидимой героями поэмы, но предначертанной *дали*, в которую Петруху, Андриюху с апостольскими именами и разбойничьей сутью и других краснотарцев, готовых «пальнуть» в святую Русь, ведет Христос с кровавым флагом.

Поэма «исполнила роль узла, связующего нити исторической, художественной и метафизической судьбы Руси уходящей и Руси советской <...>. Будучи произведением пророческого уровня, она содержит видение дальней, грядущей перспективы русского пути» [21, с. 123]. При этом «Двенадцать» была принята неоднозначно и сторонниками, и противниками революции.

Судьбы родины – ключевая тема в поэзии М.А. Волошина первых лет революции. В статье «Россия распятая» (1920) он вспоминает события февраля 1917 г. в Москве: «И тут внезапно и до ужаса отчетливо стало понятно, что это только начало, что русская Революция будет долгой, безумной, кровавой, что мы стоим на пороге новой Великой Разрухи Русской Земли, нового Смутного времени. Когда я возвращался домой, потрясенный понятием и провиденным, в уме слагались строфы первого стихотворения, внушенного мне Революцией» [10, с. 103].

¹ Валерий Брюсов – России // РуСтих. URL: <https://rustih.ru/valerij-bryusov-rossii> (дата обращения: 24.08.2024).

Первые поэтические отклики Волошина на события Октября свидетельствуют о его активном неприятии революции. В стихотворении «Святая Русь» (1917) с помощью цепочки олицетворений возникает образ оскверненной Руси-невесты, которая «поддалась лихому наговору, / Отдалась разбойнику и вору» и «пошла поруганной и нищей». И тем не менее, в стихотворении утверждается единение судьбы героя и родины:

Я ль в тебя посмею бросить камень?
Осужу ль страстной и буйный пламень?
В грязь лицом тебе ль не поклонюсь,
След босой ноги благословляя, –
Ты – бездомная, гуляющая, хмельная,
Во Христе юродивая Русь!

[9, с. 150]

Через несколько дней после «Святой Руси» Волошин напишет стихотворение «Мир», с совершенно иной тональностью, вызванной заключением Брестского мира. Интеллигенция и народ ответственны за судьбу родины:

С Россией кончено... На последях
Ее мы прогалдели, проболтали,
Пролузгали, пропили, проплевали,
Замызгали на грязных площадях,
Распродали на улицах: не надо ль
Кому земли, республик, да свобод,
Гражданских прав? И родину народ
Сам выволок на гноище, как падаль.
О, Господи, разверзни, расточи,
Пошли на нас огонь, язвы и бичи,
Германцев с запада, монгол с востока,
Отдай нас в рабство вновь и навсегда,
Чтоб искупить смиренно и глубоко
Иудин грех до Страшного Суда!

[Там же]

Но мотив греха и наказания сменяется мотивом предопределенности событий. В финале стихотворения «Родина» (1918) возникают евангель-

ский мотив судьбы, крестных мук и образы сторожевых серафимов, которые охраняют последние пути Отчизны и «не допустят с них сойти».

Определяющим в образном строе «Родины» является прием олицетворения. Стихотворение построено на обращениях лирического героя к отчизне, которая лежит «...в крови нагая, / Изранена, изнемогая, / И не защищена никем» [Там же, с. 174].

В стихотворениях М.А. Волошина, написанных в годы Гражданской войны, сопрягаются мотивы веры и отчаяния, что проявляется даже на интонационном уровне. Вопросительные конструкции сменяются восклицаниями, отрицание – утверждением, приятие – сомнением. Из бездны падения он «чуёт ростки неведомого восхода» («Из бездны», 2018) [Там же, с. 163].

Волошин осмысливает революцию в исторической перспективе через события русской и мировой истории. Россия находится между «завтра» и «вчера», как древний Рим «перед лицом германских орд»:

Так семя, дабы прорасти,
Должно истлеть...
Истлей Россия,
И царством духа расцвети!

[Там же, с. 166]

Вопреки ужасу и хаосу, «бездне» Гражданской войны, в стихотворениях Волошина 1919–1920 гг. усиливается мотив веры в победу русского духа. Победа над иностранными интервентами (в основном французскими войсками) придавала уверенность. Социально-исторический контекст в сюжете стихотворения «Неопалимая купина» (1919) сливается с библейским.

Как известно, сюжет о горящем, но не сгорающем кусте, пришел из Ветхого Завета, с ним связан образ гласа Божьего. В христианстве он понимается как прообраз Богоматери. Богородица на иконе «Неопалимая купина» воспринимается как укротительница огненного пламени и гнева Господня. В культурном сознании образ неопалимой купины является символом надежды на спасение.

В стихотворении Волошина воплотился весь спектр образной символики. Настоящее в начале стихотворения предстает как безумие:

Кто ты, Россия? Мираж?
Наважденье?
Была ли ты? есть? или нет?
Омут... стремнина... головокруженье...
Бездна... безумие... бред...

[9, с. 184]

Слова *мираж*, *наважденье* являются отсылкой к библейскому сюжету, зафиксированному в названии стихотворения, своеобразным опровержением *наваждения*, на что указывают и вопросительные конструкции.

Мотив спасения в историческом контексте связан с судьбой Карла XI и Наполеона, предсказывающей поражение нынешних завоевателей:

Каждый, коснувшийся дерзкой рукою, –
Молнией поражен:
Карл под Полтавой; ужален Москвою
Падает Наполеон.

[Там же, с. 184]

При этом мотив Божественной воли дополняется мотивом народного мятежа русской воли:

Бродит в точиле, качает народы
Русский разымчивый хмель.
Мы – зараженные совестью: в каждом
Стеньке – святой Серафим,

Отданный тем же похмельям и жаждам,
Тою же волей томим.
Мы погибаем, не умирая,
Дух обнажаем до дна.
Дивное диво – горит, не сгорая,
Неопалимая Купина!

[Там же, с. 185]

С поэтической рефлексией М.А. Волошина в некоторых аспектах перекликается лирика М.И. Цветаевой. Исследователи выделяют два главных направления ее поэзии первых пореволюционных лет. Одно «книжно-театральное», «декорированная лирика», которая объясняется желанием уйти от реальности, «романтика, замешенная на трагедии Разлуки и Обреченности» [20, с. 580]. Действительность предстает как борьба Князя света и Князя тьмы, «страшные судные дни». С одной стороны, мифологизированный образ идеального героя-воина Белой гвардии, «лебединого стана», а с другой – кровавый разгул революционной стихии: «ошалелая» Россия, «свобода – гуляющая девка на шалой солдатской груди», «октябрьские смертные дни» [24, с. 361].

Второе «русское» направление выявляется в проекции современности на события отечественной истории – царь Петр, Софья, – в образах «родной роковой России», «Родины-Руси», «бесхозной Руси», Стеньки Разина как выразителя русской вольницы, Москвы с ее Драгомиловым и Рогожской заставой как олицетворением русскости:

Гришка-вор тебя не ополячил,
Петр-царь тебя не онемечил.

[Там же, с. 380]

Постепенно романтизация Белого воинства сменяется ощущением трагизма русского раскола:

Все рядком лежат –
Не развесть межой.
Поглядеть: солдат. Где свой, где чужой?
Белый был – красным стал:
Кровь обагрила.
Красным был – белый стал:
Смерть побелила.

[24, с. 576]

Мотивы тоски по Родине, образы русского пространства, русской природы сквозные в поэзии М.И. Цветаевой периода эмиграции. С середины 1920-х гг. стихи о России пишутся постоянно: «Русской ржи от меня поклон» («До Эйфелевой рукой подать», «Стихи к сыну», «Родина», «Тоска по родине»). Родина – это уже не столько Русь, сколько Россия и даже СССР. Последний прижизненный сборник стихов 1928 г. Цветаева назовет «После России». В очерке «Нездешний вечер» она констатирует: «Моя неудача в эмиграции – в том, что я – не эмигрант, что я по духу, т.е. по воздуху и по размаху там, туда, оттуда»².

В лирике другой ее знаменитой современницы А.А. Ахматовой тема Родины появляется еще в 1914 г.: «Июль 1914 года», «Молитва», затем в сборнике «Anno Domini» (1923). Как и в стихах о Первой мировой войне, Родина осмысливается в традиционном народном ключе как образ родной земли: «Не с теми я, кто бросил землю» [3, с. 230].

Эта жизненная и творческая установка поэта найдет подтверждение и в лирике Великой Отечественной войны, и в позднем творчестве поэта. Стихотворение «Родная земля» (1961) построено на приеме амплификации: земля, которую мы *месим* – грязь

² Цветаева М.И. Нездешний вечер. URL: www.tsvetayeva.com/prose/pr_iz_zap_kn5 (дата обращения: 05.09.2024).

на калошах, хруст на зубах – превращается «ни в чем не замешанный прах:

Но ложимся в нее и становимся ею,
Оттого и зовем так свободно – своею.

[Там же, с. 231]

Сопричастность судьбе Родины и единство с судьбой народа: «Я была с моим народом», – являются главными константами поэзии А.А. Ахматовой.

Новокрестьянские поэты С.А. Есенин, Н.А. Клюев, С.А. Клычков, А.А. Ганин, П.В. Орешин, А.В. Ширяевец, П.И. Карпов восприняли Октябрь 1917 года с «крестьянским уклоном», как путь к желаемому «избяному раю». Русь они понимали не в этническом значении, а в национальном, как сообщество народов России: «затерялась Русь в морде и чуди» [13, с. 36].

В революции новокрестьяне увидели исполнение пророчества о Втором Пришествии и Преображении. Это нашло отражение в «маленьких» поэмах С.А. Есенина первых лет революции, в публицистике и поэзии Н.А. Клюева. Поэмы С.А. Есенина «Товарищ», «Певущий зов», «Отчарь», «Октоих», «Преображение», «Пришествие», «Инония», «Иорданская голубица», в которых христианские мотивы переплетаются с мифопоэтическими представлениями и образами, утверждают рождение новой Родины, природного мира «без креста и мук», «отчалившей Руси».

Однако начало двадцатых годов ознаменовано личностным и творческим кризисом С.А. Есенина и Н.А. Клюева, обусловленного разочарованием в новом лике Родины, крестьянскую Русь побеждает «железный» город. Это нашло отражение в «Сорокоусте», «Пугачеве» Есенина

и стихах 1919–1922 гг. Вернувшись в августе 1923 г. из заграничного путешествия, Есенин заявляет о своей приверженности новой России, что было обусловлено «чувством родины». В последние годы жизни в его творчестве образ Родины предстает разными ликами: Русь уходящая, Русь бесприютная, Русь Советская, «Россия, сердцу милый край». Но преодолеть психологический конфликт ума и сердца, «лиры милой» и новой Родины поэт так и не сумел: «Отдам всю душу октябрю и маю, но только лиры милой не отдам» («Русь советская») [3, с. 273].

Подобный путь прошел и Н.А. Клюев. «Избяная Русь» изначально была для него одухотворенным единством человека и природного мира: «Светляком, за годиною год, будет теплиться Русь во мраке» («Русь-Китеж») [16, с. 411]. 1917 г. он воспринял как воскресение «Матери-Руссии». Но уже в начале 1920-х гг. наступает разочарование. «Невеста-Россия» превращается в «обольщенную Русь», «обезглавленную Россию», «неприкаянную Россию». В сборнике «Львиный хлеб» (1922) ключевыми являются мотивы обольщения и раскаяния: «Родина, я грешен, грешен»; «Родина, я умираю». «Лик коммуны и русской судьбы» раскрывается в антитетичных образах и мотивах: рождения и смерти, созидания и разрушения, света/тьмы: «Россия плачет пожарами» – «Россия смеется зарницами»; «Россия плачет распутицей» – «Россия сеется бурями» [Там же, с. 406]. Поэт остается верным «избяной Руси»:

Уму – республика,
а сердцу – Мать-Русь.
[Там же, с. 335]

Поэзия Н.А. Клюева второй половины 1920-х – начала 1930-х гг. – это плач о Руси-Китеже и о «родине-вдове». Свое поэтическое предназначение он видит в раскрытии образа гбнущей «Великой Матери» – Руси.

По контрасту с трагическими мотивами в творчестве новокрестьян, в новой советской поэзии 1920-х гг. тема родины раскрывается через мотив молодости – молодой страны, молодого героя – строителя нового мира.

Концепт *молодость* является одним из составляющих универсального концепта *возраст* в любой национальной культуре, о чем свидетельствует уже большое количество поговорок и пословиц. Анализу этого концепта посвящено немало современных исследований разного уровня⁵.

Художественный концепт *молодость*, обусловленный темой тотального разрушения старого строя и построением нового мира, предопределяет пафосность и публицистичность поэзии первых лет революции, как молодых авторов, так и художников, вошедших в литературу в эпоху серебряного века. В поэме «150 000 000» (1919–1920) В.В. Маяковский, призывая «издинамитить

⁵ См.: Литвиненко Ю.А. Концепт «возраст» в семантическом пространстве образа человека в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2006; Назарьева (Коновалова) Ю.С. Способы экспликации концепта «молодость» в этнокультурном аспекте // Вестник ВГАСУ. 2009. № 2 (12). С. 68–77; Пинтова А.А. Концепты old/young и старый/молодой в английской и русской языковых картинах мира: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009; Сандомирская И. Родина, Отечество, Отчизна в дискурсивных практиках современного русского языка. Опыт анализа культурной идиомы // Etnolingwistyka 11. Lublin, 1999. С. 51–68; Шепилова О.Е. К вопросу о динамической природе концепта (на примере концепта «молодость») // Вестник Северо-Восточного государственного университета. 2015. № 23. С. 38–42.

старое», отказывается от авторства: «этой / моей / поэмы / никто не сочинитель» [17, т. 2, с. 115]. В поэме «Хорошо!» (1927) прославление «земли молодости», образ «страны-подростка» раскрываются и через лирического повествователя, и через сюжетику.

В 1920-х и первой половине 1930-х гг. концепт *молодость* частотен во всей советской литературе.

Образ молодости, которой свойственен душевный порыв к свободе, характерен для поэтов-романтиков 1920-х гг. Так, он является смыслообразующим в стихотворении Н.Н. Асеева «Синие гусары», которое было написано к столетию со дня восстания декабристов. Автор противопоставляет мудрость благоразумия:

Силе такой
становись поперек,
ты б хоть других
– не себя – поберег! –

и беспечность «юных друзей»:

Позорней и гибельней
в рабстве таком,
голову выбелив,
стать стариком.

[1, с. 103]

Ритм стиха, многоголосие, детали (летающие сани, розовые губы, смех, гитара, бокалы с пеной шампанского) передают эту энергию молодости и ее устремление к свободе. В стихах Н.Н. Асеева молодость лирического героя соотносится с молодостью новой страны: «Мы росли, когда день наш возник»; «...выросли мы в пламени, / в пороховом дыму» («Марш Буденного») [Там же, с. 146].

В стихах М.А. Светлова о юном барабанщике с «огнем большевистским в груди», в поэзии Э.Г. Багриц-

кого также возникают мотивы «бездомной», «яростной» молодости.

Молод и герой Н.С. Тихонова – «праздничный, веселый, бесноватый» [23, с. 25]. Молодые поэты 1920-х гг. искали «прекрасные, горькие и жестокие слова» романтического повествования о современности. Но в самом романтизме явственно проглядывало стремление к резкой реалистичности тематики. Стихотворения из сборников Тихонова «Орда» и «Брага» (1918), «переполненные напором молодой энергии, несли познание самой сути нового человека, прошедшего сквозь войну и революцию, воссоздавали атмосферу, эмоциональную окраску тех удивительных лет» [25, с. 13].

Образ нового времени у Н.С. Тихонова рождается через контраст «живой» и «мертвой» России:

Не плачьте о мертвой России.
Живая Россия встает.

[23, с. 195]

Но в целом в поэзии романтиков 1920-х гг. редко встречаются слова *Родина*, *Россия*, *Отчизна*. Концепт *Родина* воплощается через образ нового мира, мотив рождения.

Образ новой родины, данный в общем аспекте, сопрягается с интернациональным посылом советской поэзии 1920-х гг. Вспомним знаменитую «Гренаду» того же М.А. Светлова. Образы родного дома, топографические приметы малой родины (хата, Харьков), естественно, встречаются в его стихах, как и в творчестве других поэтов «романтического призыва», но они не играют значительной роли. В этом ее принципиальное отличие и от новокрестьянской поэзии, и даже от лирики поэтов серебряного века, первых лет революции.

Таким образом, в русской поэзии первого послереволюционного десятилетия актуализированы все уровни концепта *Родина* – понятийный, содержащий образы «большой» и «малой» Родины – России,

Руси, родной земли, аксиологический и эмоциональный, связанные с личностным отношением авторов к изображаемому. При этом Русь и Россия могут восприниматься и как синонимы, и как противоположные понятия.

Библиографический список

1. Асеев Н.Н. Стихотворения. М., 1983.
2. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста: антология / под общей ред. В.П. Нерознака. М., 1997. С. 267–279.
3. Ахматова А.А. Сочинения: в 2 т. Т. 1. Стихотворения и поэмы. М., 1987.
4. Белый А. Звезда: сборник стихов. М., 1919.
5. Вежицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001.
6. Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
7. Володина Н.В. Концептосфера русской литературы. Череповец, 2019.
8. Володина Н.В. Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения. М., 2010.
9. Волошин М.А. Избранные стихотворения. М., 1988.
10. Волошин М.А. Россия распятая: сборник статей и стихов / сост. В.И. Цветков. М., 1992.
11. Воркачев С.Г. Родина, правда, смысл жизни. Опыт русской лингвоидеологии. М., 2011.
12. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М., 1995.
13. Есенин С.А. Стихи и поэмы. М., 1975.
14. Зусман В.Г. Диалог и концепт в литературе. Литература и музыка. Нижний Новгород, 2001.
15. Зусман В.Г. Концепт в системе гуманитарного знания: Понятие и концепт // Вопросы литературы. 2023. № 2. С. 3–29.
16. Клюев Н.А. Сердце Единорога: стихотворения и поэмы. СПб., 1999.
17. Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 1, 2. М., 1955, 1961.
18. Новокрещенцова И.Л. Понятие «концепт» и его востребованность в современном литературоведении // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2007. № 1. С. 77–82.
19. Пролетарские поэты первых лет советской эпохи / вступ. статья и сост. З.С. Паперного. Л., 1959.
20. Саакянц А.А., Мнухин Л.А. Поэт Марина Цветаева // Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. Стихотворения. М., 1994. С. 578–589.
21. Сокурова О.Б. Поэма А. Блока «Двенадцать» и путь России // Судьбы русской духовной традиции в отечественной литературе и искусстве XX – начала XXI века / ред.-сост. А.Л. Казин. СПб., 2016. С. 24–49.
22. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
23. Тихонов Н.С. Как песня молодой: книга стихов. М., 1985.
24. Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. Стихотворения. М., 1994.
25. Чепик И. Поэзия и молодость // Тихонов Н.С. Как песня молодой: книга стихов. М., 1985. С. 6–22.

References

1. Aseyev N.N. Stikhotvoreniya [Poetry]. Moscow, 1983.
2. Askoldov S.A. Concept and word. *Russkaya slovesnost: Ot teorii slovesnosti k strukture teksta: antologiya*. V.P. Neroznak (ed.). Moscow, 1997. Pp. 267–279. (In Rus.)
3. Akhmatova A.A. Sochineniya: v 2 t. T. 1. Stikhotvoreniya i poetry [Works in 2 vols. Vol. 1. Poetry and poems]. Moscow, 1987.

4. Bely A. Zvezda: sbornik stikhov [Star: Collection of poems]. Moscow, 1919.
5. Vezhbitskaya A. Ponimaniye kultur cherez posredstvo klyuchevykh slov [Understanding cultures through keywords]. Moscow, 2001.
6. Vezhbitskaya A. Semanticheskiye universalii i opisaniye yazykov [Semantic universals and description of languages]. Moscow, 1999.
7. Volodina N.V. Kontsepty, universalii, stereotipy v sfere literaturovedeniya [Concepts, universals, stereotypes in the field of literary criticism]. Moscow, 2010.
8. Volodina N.V. Kontseptosfera russkoy literatury [Conceptual sphere of Russian literature]. Cherepovets, 2019.
9. Voloshin M.A. Izbrannyye stikhotvoreniya [Selected poetry]. Moscow, 1988.
10. Voloshin M.A. Rossiyya raspyataya [Russia crucified]. Collection of articles and poems. V.I. Tsvetkov (ed.). Moscow, 1992.
11. Vorkachev S.G. Rodina, pravda, smysl zhizni. Opyt russkoy lingvoideologii [Homeland, truth, the meaning of life. Experience of Russian linguoideology]. Moscow, 2011.
12. Gachev G.D. Natsionalnyye obrazy mira. Kosmo-Psikho-Logos [National images of the world. Cosmo-Psycho-Logos]. Moscow, 1995.
13. Esenin S.A. Stikhi i poetry [Poetry and poems]. Moscow, 1975.
14. Zusman V.G. Dialog i kontsept v literature. Literatura i muzyka [Dialogue and concept in literature. Literature and music]. Nizhniy Novgorod, 2001.
15. Zusman V.G. Concept in the system of humanitarian knowledge: Concept and concept. *Voprosy literatury*. 2003. No. 2. Pp. 3–29. (In Rus.)
16. Klyuyev N.A. Serdtse Yedinoroga [Heart of the Unicorn]. Poems and poems. St. Petersburg, 1999.
17. Mayakovskiy V.V. Polnoye sobraniye sochineniy: v 13 t. [Complete collection of works in 13 vols.]. Vols. 1, 2. Moscow, 1955–1961.
18. Novokreshchenova I.L. The notion «kontsept» and its relevance in modern literary criticism. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*. 2007. No. 1. Pp. 77–82. (In Rus.)
19. Proletarskiye poetry pervykh let sovetской epokhi [Proletarian poets of the first years of the Soviet era]. Z.S. Paperny (introductory article and compiler). Leningrad, 1959.
20. Saakyants A.A., Mnukhin L.A. Poet Marina Tsvetayeva. *Tsvetayeva M.I. Sobraniye sochineniy: v 7 t. T. 1. Stikhotvoreniya*. Moscow, 1994. Pp. 578–589. (In Rus.)
21. Sokurova O.B. Poem by A. Blok “Twelve” and Russia path. *Sudby russkoy dukhovnoy traditsii v otechestvennoy literature i iskusstve XX – nachala XXI veka*. A.L. Kazin (ed.). St. Petersburg, 2016. Pp. 24–49. (In Rus.)
22. Stepanov Yu.S. Konstanty: Slovar russkoy kultury. Opyt issledovaniya [Constants: Dictionary of Russian culture. Research experience]. Moscow, 1997.
23. Tikhonov N.S. Kak pesnya molodoy [Like a song of youth]. Book of poems. Moscow, 1985.
24. Tsvetayeva M.I. Sobraniye sochineniy: v 7 t. T. 1. Stikhotvoreniya [Works in 7 vols. Vol. 1. Poetry]. Moscow, 1994.
25. Chepik I. Poetry and youth. *Tikhonov N.S. Kak pesnya molodoy: kniga stikhov*. Moscow, 1985. Pp. 6–22. (In Rus.)

Статья поступила в редакцию 15.09.2024, принята к публикации 15.10.2024
The article was received on 15.09.2024, accepted for publication 15.10.2024

Сведения об авторе / About the author

Пономарёва Татьяна Александровна – доктор филологических наук; профессор кафедры русской литературы XX–XXI веков Института филологии, Московский педагогический государственный университет

Taiyana A. Ponomareva – ScD in Philology; Professor at the Department of Russian literature of the XX–XXI centuries, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University

E-mail: ta.ponomareva@mpgu.su